

Осматривая предместья Праги начала 15-ого века с высоты птичьего полета, легко приметить острые башенки Староговского монастыря, выполненных в грациозном и гордом готическом стиле. Недалеко расположился постоялый двор, наивно пытаясь прорубить вечерний туман, перемешанный с чадом потухших пожаров, светом своих маленьких окошек. Оттуда доносились то веселые крики подпитых постояльцев, то игривые мелодии гемсхорна, то томный звон арфы, плачущей о чьей-то земной любви. За одним из столов слегка поодаль от шумных компаний сидели двое друзей, залихватски осушая кружку за кружкой. Один из них был одет в пыльный, черный сюрко с красным крестом и звездой поверх кольчуги, другой же – в темно-синий дублет, опоясанный холщовой сумкой, и бледно-коричневые, мятые шоссы. Судя по громкому, почти безумному смеху, сопровождающемуся резкими и красочными жестами шел оживленный разговор. Тот что в кольчуге, еле сдерживая хохот пытался перекрикивать происходящее буйство пира: «А помнишь Ян, как ты обманом поступил в Карлов университет и проучился там пол года?». На что его друг в дублете бойко и звонко отвечал: «Пока меня не поймали в постели с кухаркой!». Затем гулко шлепнул кружкой по столу, под громогласный смех залив всё вспенившимся пивом. Отряхнувшись, молодой человек в дублете продолжил: «Обет безбрачия, Збинек, это тебе не шуточки! Во всяком случае мне так сказали!» Остаток фразы уже утонул в грохочущих голосах друзей. Сделав по-настоящему рыцарский глоток, Збинек обратился к Яну: «Погоди, ты же обещал рассказать какую-то историю, когда мы с тобой виделись на мосту, помнишь?». Лукаво улыбнувшись и расположившись как можно удобнее, он начал: «А-а-а, хо-хо! Это был тот еще денёк! Советую проверить полна ли пивом твоя кружка, потому что рассказ будет длинным... но интересным. И еще кое-что, не вздумай меня перебивать!

Как сейчас помню, то был предпоследний день июля 1419-ого. Ох, и жаркое же лето выдалось тогда. Проснувшись еще до самых ранних петухов, я уже натягивал свой переживший многое дублет. Полумесяц дружелюбно освещал почти высушенные травы, аккуратно разложенные на столе. Они покорно ждали своей очереди, чтоб, благодаря моим навыкам, стать чьей-то мазью от подагры или настойкой от головной боли. Без лишней скромности, скажу, что я был очень хорош как травник, так и как лекарь в редких случаях. Как раз ради такого случая, я встал ни свет ни заря и уже мерял шагами привычный путь от инквизиторского дома, что у Аненской площади, до Скорняжной улицы, где у меня была небольшая лавка. У её дверей меня уже ждал мой постоянный посетитель. Завидя меня издали, он приветливо, басом похожим на лязг ржавых цепей, прохрипел: «Не спится, пан Лекарь? Хе-хе». «Как и Вам, как и Вам...» По его одежде и немецкому акценту, можно было понять, почему он предпочёл обратиться ко мне, да и еще и в такой час. Сам знаешь, в то время немцу у мало-мальски уважающего себя врача были рады как лисице в курятнике. А я... А мне было все равно, по большей части, главное чтоб платили деньги. Я копил их на самое красивое и элегантное кольцо во всей Богемии, что было выставлено на продажу у лучшего пражского ювелира, пана Милича. Я был влюблен до беспамьятства в дочь главы скорняжного общества, в помещениях которого и была моя скромная лавка. И, как мне кажется, только такой подарок, в полной мере показывал масштаб моих чувств и наиболее красочно говорил о серьезности моих намерений! В любом случае, вернемся к немцу посетителю. Он регулярно орошал подвал моей лавки своим скрипучим голосом, в основном просил зашить порезы, обработать, да проверять не загноилось ли там чего. Закончив с ним судачить и отметив, что на улице стало шумно, я получил свою честно заслуженную плату и отправился напрямик в ювелирную лавку. Все необходимые монеты я спрятал среди трав, в большом количестве набитых в мою холщовую сумку. Забавно, что лавка пана Милича, находилась в Вышеграде, недалеко от уже печально известной, Новоместской ратуши... Я чудом разминулся во времени с ужасными, произошедшими там событиями. Торопливо ступая по улочкам, местами полных нечистотами, я проходил мимо пряных пекарен, высокомерных витрин портняжных мастерских, а время от времени улавливал запах сушеной сирени, борца и незабудки из собственной сумки. Откуда-то из подворотни звучали ненавязчивые переборы цистры, ободряя хаотично перемешивающиеся потоки занятых чем-то людей. Кто-то выбирал себе новые подковы, кто-то торговался о цене на кувшин молока – ощущение было такое, будто в это время дня город превращался в исполинских размеров муравейник. Наконец добравшись до лавки ювелира, я тут же поймал вопросительные взгляды самого пана Милича, стоявшего у прилавка. Разумеется, я не стал отвлекаться на холодный и чуждый блеск украшений, а вывалив все деньги, молча и неторопливо указал на то самое кольцо, что так подчеркнуло бы красоту моей пани! Наконец я держал в руках это произведение искусства, как вдруг на его поверхности я заметил отражение пяти черных фигур, забежавших в дверь. Так вовремя повернувшись, я чудом уклоняюсь от летящего арбалетного болта, ранившего ювелира. Упав на пол, я разглядел нападавших: пятеро мужчин в темно-коричневых плащах, с тряпками на лице, не скрывающих лишь глаза, вооруженных мечами, молотами и арбалетами. Буквально за одно мгновение

они разбили прилавки, собрали драгоценности в мешки, и собрались уходить. Когда я, решив, что про меня вовсе забыли, медленно пополз к выходу, один из грабителей на немецком крикнул своим поделникам: «Эй, Конрад сказал не оставлять свидетелей! что будем делать с ... этим!?!», указав арбалетом на меня. В этот момент самый дальний грабитель, в три больших шага пересек лавку, наклонившись к моему лицу так близко, что я мог учуять состав его завтрака. Подмигнув, точным движением он выхватил кольцо из моей ладони и к моему глубокому удивлению засунул его мне за пояс, после до боли знакомым скрипучим басом прорычал по-немецки: «Сегодня никто не будет брать на себя еще один грех! ...по крайней мере, здесь...» И после его сильного удара я потерял сознание. Будто сквозь болезненный кошмар, я слышал звуки погони и крики. Из-под душных тряпок и тяжелых мешков, что лежали поверх моего тела в повозке грабителей, я в бедные моменты сознания уловил очертания домов на Иезуитской улице, костёла Святого духа, Староместской мостовой башни и даже распознал шум воды, скорее всего это была Влтава. Понятия не имею, сколько я был без сознания, но когда очнулся, моя спина болела так будто её зажали в тысячи тисков. Первым делом, я молниеносно проверил на месте ли кольцо. Хорошая новость, оно было там же, за поясом. В воздухе витал несносный, кислый запах плесени и испорченной капусты, на холодном полу, бедно застеленном запревшей соломой, виднелись засохшие пятна крови. Судя по всему, это был подвал, освещаемый тусклой свечой. Окончательно придя в себя, я понял, что нахожусь в железной клетке, запертой на прочный амбарный замок. Неожиданно последовавший за моими размышлениями храп, указал на то, что в этом подвале я был не один. Тучный немец, одетый так же, как и грабители ювелирной лавки, в темно-коричневый плащ, из-под которого поблескивала связка ключей, невинно дремал на табуретке, опершись на копьё. Теряя самообладание, я пытался найти хоть одно решение. Понимая, что отложенная казнь может наступить в любую секунду, я бешено бегал взглядом по скудному убранству подвала, пока не заметил валявшуюся на полу флягу в шаге от спящего охранника. На мое счастье до нее можно было дотянуться ногой. Затаив дыхание и собрав все свое самообладание, я еле осязаемо подцепил носком своей ноги ремешок фляги. Тянуть к себе было все сложнее и сложнее с каждой секундой, потому что прутья клетки слишком сильно сжимали ногу. По ощущениям прошла целая вечность, пока я все-таки смог достать эту чертову флягу. Порывшись в содержимом моей сумки, которую не отобрали, скорее всего, из-за видимой бесполезности содержимого, я набрал ингредиенты для яда: борец, белладонну, а также мазь, содержащую мышьяк. Как можно тише растерев состав через тряпку и добавив во флягу, я размешал убийственную смесь и, не торопясь, вернул сосуд на первоначальное место. Уверенно выдохнув и про себя помолвившись, громко закричал: «Эй! Хватит спать! Дай мне попить!» От моих криков, охранник вскочил, огляделся, протерев глаза. «Ты что, одурел!? Попить... Чтoб тебя гусь лягнул! Тьфу!»- процедил он сквозь зубы, в конце смачно плюнув. После этого поднял флягу с пола, и демонстративно подойдя к клетке до дна осушил содержимое. Лихая усмешка мгновенно сменилась лицом удивления. Схватившись за горло, жутко покраснев, охранник стал терять равновесие. Тут я что есть силы потянул за его плащ и бездыханное тело свалилось около клетки. Будто за три удара сердца я открыл клетку схватил копьё и поднялся по лестнице из подвала. Осторожно открыв дверь, и уже довольно нагло оглядевшись, я обнаружил, что находился в каком-то амбаре, пахнувшем гарью. В нем никого не было, однако в этот же момент я услышал хлопки, сопровождающиеся криками и ржанием лошадей. Сломая голову я побежал к воротам амбара, выглядевших так будто им свыше полусотни лет. Честно говоря, выйдя наружу, я впал в ступор. На протяжении нескольких секунд, я вовсе не понимал, что происходит. Со всех сторон вспыхивали один за другим яркие, слепящие огни, разбивая мрак свалившихся сумерек. Свист от пролетающих арбалетных болтов пронизывал до костей, завершаясь сочным чавканьем рваной плоти. Дышать было невозможно, будто нутро выкручивало наизнанку дымом горящих крыш. Глаза слезились от порохового чада. Мимо проносились всадники, судя по одежде и крикам на немецком, это были все те же грабители. Но я никак не мог увидеть другую сторону конфликта. В итоге, сквозь давящую бледную пелену я разглядел наконец солдат в легкой броне с шлемом, похожим на котелок с широкими полями. Развернувшись и грозно ударив моргенштерном, один из них на ходу повалил наездника, непреднамеренно продемонстрировав герб с чашей на его одежде. Воспользовавшись моментом, я побежал к коню, невезучего бандита. Не теряя ни минуты, пытаясь не попасть под огонь какого-то громко визжащего оружия, я помчался прочь. Спустя минуту оглядевшись с близлежащего холма, я понял, что нахожусь чуть севернее устья реки Мже, где я часто собирал травы. Как вдруг, мне в голову пришла ужасающая мысль, даже если эти войска с чашей на гербе и были разведывательной группой, ибо их количество было слишком малым для полноценного войска, то где гарантии, что как раз это войско сейчас не устраивает резню в самой Праге... и, не дай Бог, добралось до дома моей пани!? Не жалея коня, я тут же помчался в город к Карлову мосту. Сердце

колотило в ушах тяжелыми барабанами, все тело ныло, периодически сотрясаясь какой-то неконтролируемой дрожью. Загоняя коня насмерть и практически теряя сознание, я пролетал мимо каких-то вооруженных крестьян, спорящих ремесленников с факелами... Когда же я мчался мимо этой самой таверны, в которой мы сейчас с тобой сидим, Збинек, я заметил монашку в рваных одеяниях, безжалостно избиваемую небольшой группой крестьян. Проехав мимо еще пару десятков шагов, я почувствовал внутреннюю борьбу. Неизвестно, что было с моей пани, но я точно знал, что будет с этой бедной, невинной монашкой... Резко осадив коня, я вернулся к озверевшей толпе. Безумно крича и размахивая копьём над головами, я все-таки смог привлечь их внимание. «Что вы делаете с нею, проклятые?!», стараясь держаться как можно уверенней, прошипел я. «Дык, казним по заслугам! Как и в самой Праге сейчас. Ты слышал, что эти католики натворили? Отплатим тем же! Сожжем эту доминиканку!», разными голосами послышалось из гущи часто и тяжело дышавшей толпы крестьян. Видя безумные взгляды и напряженные лица, я понял, что имею дело с фанатиками. А как показывает жизненный опыт, с ними уговоры не помогают. Поэтому я решил прибегнуть к хитрости. «А давайте, я её отвезу на Кржижовницкую площадь, на показательную казнь? Как вам такая идея, у меня и конь есть и урок католиками наглядней выйдет». Мне казалось, что я слышал, как теплится мысль в голове у крестьян. Шёпот все сильнее превращался в одобрительный гомон. Спустя мгновение из этой гущи послышалось: «А может ты пособник еёный!? Может ты её отпустишь, как за угол завернёшь?!». Кто-то из толпы подхватил: «Пушай залог оставит! У моего брата в лавке, так все время делают» Толпа тут же закивала и начала пугающе поддакивать. В этот момент я осознал, что из ценного у меня не было абсолютно ничего... кроме кольца. «Но...», пытался выдать я, задыхаясь, будто у меня был кнедик в горле. «... держите!», прокричал я, кинув кольцо. И после повторившегося одобрительного шипенья схватил монашку, и помчался в город, посадив её на коня. Чтобы развеять сложившийся у неё мой жуткий образ, тут же спросил: «ты – доминиканка, да? Тогда тебе надо в костел святой Анны. Мне как раз по пути. Не переживай, я тебя не дам в обиду». На что монашка ничего не ответила, едва заметно и неуверенно кивнув. Дав разжевать сушеных листьев Melissa для успокоения, я подгонял коня к Карлову мосту. Уже издалека я заметил импровизированные укрепления рыцарского ордена. Ваши рыцари Креста со звездой охраняли мост и не давали никому по нему проезжать. Как раз, мы с тобой и пересеклись там, помнишь, Збинек? Ты еще сказал: «Мост можно пересечь только по делам особой важности для ордена». Тогда я потерялся, не знал, что делать, вокруг творился какой-то хаос, от летящего пепла слезились глаза, и когда я уже было собрался тебя умолять, монашка твердо и неторопливо произнесла: «Он сопровождает меня до костела святой Анны... *дело особой важности* для ордена Доминиканцев», так напыщенно выделив «дело особой важности». Ох, помню твоё выражения лица! После того как мы с ней пересекли мост и добрались до Аненской площади. Перед моими глазами раскинулась чудовищная картина, безумные, буйствующие потоки людей, громящие и поджигающие дома, какие-то несуразные крики, о чашах, немцах и католиках. Везти доминиканку в её монастырь в данной обстановке оказалось гиблым делом, поэтому спрятав её у себя дома, я наконец поскакал к дому пани, на Скорняжную улицу. Каким-то чудом, бунтующий люд туда не добрался. Уже стуча в двери дома моей возлюбленной и неистово крича, я начинал задыхаться и практически ничего не видел. И вот будто солнце, показавшиеся из-за темных туч в дождливый день, из-за двери показалась она, моя Катерина... На её заплаканном лице тут же появилась чудесная улыбка, бросившись ко мне в объятия, она торопливо прошептала: «Господи, господи, как же я за тебя боялась, мой дорогой Ян. Я бы не смогла жить без тебя...». Поборов нахлынувшую волну чувств, я начал было говорить: «Прости... прости меня, моя Катерина, я купил тебе самое красивое на свете кольцо, но я потер...». «Молчи, дурень! Я люблю тебя, не нужны мне твои побрякушки!», перебила она меня и мы слились в страстном поцелуе. Звенели колокола, тот безумный день закончился... Занавес».

Перед Яном в таверне сидел уже не только Збинек, но и все оставшиеся уже притихшие постояльцы, так страстно поглощенные любопытством. «Как же это красиво... и романтично», нежно пролепетала хозяйка постоялого двора. Как вдруг Збинек, нахмурив брови, сказал: «Погоди, Ян. Твою жену зовут же Майя... Но у неё есть сестра Катерина...». «Эм-м-м... Пути Господни неисповедимы, Ваше здоровье!», еле борясь с улыбкой, протараторил Ян, и четким движением начал осушать кружку с пивом. Но на её половине, услышав залихватский хохот окружавших его постояльцев, смеясь выплюнул не проглоченное пиво. Долго еще разносился этот удалой смех в разные стороны от постоялого двора, заливая округу чем-то хорошим, таким необходимым в то тяжелое время.